

Восход Вновь Возрожденного

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алерия-Элиза Вейсс

18+

Восход

Алерия-Элиза Вейсс

**Том 1. Восход Вновь
Возрожденного**

«Автор»

2026

Вейсс А.

Том 1. Восход Вновь Возрожденного / А. Вейсс — «Автор»,
2026 — (Восход)

Жизнь Алерии таинственным образом перескается с чьей-то ещё — она видит фрагменты воспоминаний незнакомки в своих снах, которые периодически отражаются на реальности. Это вгоняет героиню в ужас, заставляет пропитаться ненавистью не только к чужестранке, но и к самой себе при осознании сходств с этой юной девушкой. Ситуации в быту и поведение людей ежедневно дублируются, наследование судьбы некой Элизы, наверное, уже необратимо, а вмешательство божественных сил окончательно вводит в заблуждение.

© Вейсс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Две жизни, одна из которых — сон	5
Глава 2	19
Два сна, о	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алерия-Элиза Вейсс

Том 1. Восход Вновь Возрожденного

Глава 1

Две жизни, одна из которых — сон

Элиза Вейсс шла по ночному лесу. Где-то рядом рыскали её товарищи — теперь соперники в этой вылазке из Академии. Под ботинками хрустели сухие листья, выдавая её присутствие: один неверный шаг — и ловушки противников могли сработать.

Униформа уже изрядно потрепалась: новобранцам Академии приходилось проходить практические тесты под присмотром старших учеников. Одним из заданий было найти до полуночи определённый предмет, обвязать его выданной ленточкой и сохранить до утра.

Экипировка была строгой и практичной: штаны болотного оттенка, ветровка до запястья с широкой гармошкой на рукавах, чёрный ремень, с трудом удерживающий слишком свободную талию, и высокие берцы, слегка разносившиеся, что приносило облегчение.

Вокруг тянулись кусты с тонкими колючими ветвями, цеплявшимися за одежду и волосы, словно предупреждая о грядущей опасности.

«Да где же эта штука, — раздражённо прошептала Элиза, раздвигая заросли. В мыслях крутилось одно: поскорее закончить задание. — Кто вообще придумал это идиотское испытание?»

Будто в ответ на её недовольство куст хлестнул девочку по щеке.

«Ладно, я поняла, — Элиза прижала ладонь к царапине, невольно отпустив ветку. Та снова ударила её по лицу. — Да поняла я!»

Она выдохнула сквозь сжатые зубы. Сумеречный лес словно смеялся.

— О, Элиза, вот ты где. Так и знал, что это ты шумишь. Опять своими мазохистскими делами промышляешь? — рыжая макушка всплыла из-за куста с игривым вызовом.

— Разумеется. А ты сомневался? — саркастично прошипела Элиза, шагнув в сторону, чтобы не получить ещё пару ударов.

— Ну, если нужен кто-то, кто тебя побьёт или придушит, сразу обращай ко мне, — губы мальчика растянулись в насмешливой ухмылке. — Я буду нежен.

Элиза мельком заметила длинную ветку — идеальный инструмент для наказания. Она оттянула её перед собой, направив на силуэт Наума.

— Тебя разве не учили манерам в Академии? — наигранно писклявым голосом заговорила Элиза. — А мне, послушной ученице, стоило бы показать тебе хороший пример-

Но фраза оборвалась сама собой. Палец невзначай коснулся чего-то, нанизанного на ветку. В глазах Элизы вспыхнул озорной блеск, тело окутало острое чувство превосходства: сердце забилося быстрее, мышцы напряглись, а лёгкое покалывание в груди предвещало победу.

— Наум, иди сюда! — прошептала она, подзывая напарника рваным жестом.

Наум прищурился, не до конца доверяя девочке после недавнего «наказания». Но азарт Элизы был заразителен, и он прошмыгнул за куст, осторожно обогнув его.

Элиза дрожащими от возбуждения руками аккуратно сдёрнула свиток с ветки, стараясь не повредить пергамент. Глаза Наума округлились, и он поспешил помочь.

— Что ты делаешь?! — громко зашептала Элиза, пугаясь за бумагу.

— В условиях не было сказано, что предмет нельзя порвать, — спокойно ответил Наум, перекаывая в руках пергамент, обвязанный толстой мохнатой нитью. — Сказали только не читать содержимое.

Будто опомнившись, Элиза нырнула в карман ветровки и вытащила красную атласную ленточку, быстро обвивая ею свиток, который держал Наум. Несколько оборотов — и свёрток был надёжно перевязан.

— Куда спрячем?

Наум на мгновение замер, раздумывая над местом. Затем решительно пересилил смущение и аккуратно засунул пергамент внутрь её чёрной кофты под ветровкой. Свободной ладонью он поддерживал дрожащее плечо Элизы. На ощупь, осторожно поддевая ткань, мальчик прижал свиток к её груди, выдернув дрожащую руку из-под одежды.

Элиза отшатнулась, чувствуя навязчивость движений, затем застыла у стены из колючих кустов. Дыхание сбилось, воздух вокруг словно стал гуще, тяжелее. Тревога зашкаливала.

— Что ты?.. — вырвалось у неё, голос дрожал, щёки пылали от стыда и злости.

— Прости, — тихо сказал Наум с совестным вздохом. — Если бы я засунул его себе в штаны, никто бы не поверил.

Шутка сработала: напряжение слегка спало. Элиза позволила себе короткий, но настоящий смех.

Вдруг шуршание в соседних кустах заставило её вздрогнуть, глаза забежали в темноте. Наум опустил на корточки, почти зацепив носом колючки, и протянул руку напарнице, чтобы та тоже нырнула в кусты.

— Этот человек всё видел, да?.. — с горечью прошептала Элиза, когда шаги замолкли.

— Да, — последовал долгий, отчаянный шёпот позади ребят.

Наум и Элиза синхронно обернулись к источнику голоса, вытянувшись по струнке. Первым решился Наум, заметив знакомое лицо, неуверенно переводя тему.

— О, привет, Хейден! Как успехи? Ещё не нашли? — он прокашлялся, взъерошив рыжие кудри.

Элиза, залитая алым стыдом, инстинктивно прикрылась ветровкой. Затем неловко провела рукой по торчащим тёмно-каштановым волосам, напоминавшим растянутые телефонные провода.

«У-у-у!» — мысленно простонала она, прикусив губу. Желание провалиться сквозь землю стало почти физическим.

Хейден же явно понял, что стал свидетелем чего-то компрометирующего. Его лицо резко изменилось: жизнь разделилась на «до» и «после».

— Нет, — он сбивчиво осмотрел товарищей. — Мы с Ролином ищем, но я даже Ролина найти не могу.

Элиза усмехнулась про себя: *«Ну, тут уже ничего не поделаешь Удачи, мой дорогой друг».*

Она хотела посмотреть, как её напарник выкрутится. Тот сразу начал активно кивать, осознавая, что поддержки не дождётся:

— А-а, понятно — слишком фальшиво, но с энтузиазмом. — Знаешь, это не то, что ты подумал! — поспешно начал оправдываться Наум. — Мы ничего такого не делали! Я могу всё объяснить!

Элиза чуть не поперхнулась от испанского стыда. Лёгкий удар по спине мальчика — и тот едва не подпрыгнул, прерывая речь.

— Удачи вам с Ролином.

«Вот же идио» — свежая царапина на щеке напомнила о недавнем наказании кустов. — *«безответственный человек».*

— Ага, спасибо — замялся Хейден, окончательно растерявшись. Бурча себе под нос, он удалился: «вот двенадцатилетние дают».

— Он уж больно взрослый. Сколько ему? Тринадцать? — всё ещё краснея, возмутилась Элиза, приподняв бровь.

— Он, скорее, впечатлительный и озабоченный, — хмуро поддержал Наум, скрестив руки.

— А ты уж больно хреновый актёр, — демонстративно повторила Элиза жест Наума, провожая Хейдена взглядом, пока тот растворялся в темноте леса.

— Ладно-ладно, признаю — Наум выставил ладони, капитулируя. — Давай вернёмся, копать тут уже нет смысла.

Путь к разбитому лагерю у речки оказался практически спокойным. Элиза изо всех сил сдерживала желание встряхнуть Наума за плечи, но напарники молчали, не решаясь обсудить произошедшее.

— Неужели! — облегчённо выдохнула девочка, когда в просвете деревьев показался огонь.

Если бы можно было, она бы плюхнулась на траву и лежала так вечно. Последний рывок дался невероятно тяжело — ноги ныли, силы едва держали. Костёр лениво освещал палатки, отбрасывая громоздкие тени. Языки пламени плясали, как лёгкие прибрежные волны, а вокруг на камнях сушились ветки. Рядом лежал топор для совсем трудных случаев.

Ребята опустились на брёвна, не имея сил даже дойти до воды, чтобы смыть грязь с обуви и кожи. Наум тихо бормотал ругательства, стягивая ботинок, а Элиза невольно усмехнулась, едва коснувшись свежей царапины на щеке. Свет костра выдал несерьёзную, но болезненную рану.

— Ого, это что ещё такое? — прищурился Наум, перебрасывая ногу на колено. — Ты порезалась?

Вдруг рядом раздался холодный женский голос:

— Сейчас я порежу вам двоим языки, и вы не то что говорить, есть не сможете.

Они обомлели. Из самого тёмного уголка лагеря вышла Калда — старшая, известная всей Академии своей помешанностью на дисциплине. Её лицо не предвещало ничего хорошего. От девушки исходила опасная аура.

Калда подошла и скрестила руки на груди, Наум тут же скинул ногу с колена, распрямился с хрустом, стараясь выглядеть как можно более послушно. Элиза осталась неподвижной.

Скулы Калды были резко очерчены, белые волосы, собранные в низкий хвост, казались выглаженными утюгом. Форма сидела идеально, рост был внушительный, а светло-серые глаза блестели сталью и безразличием.

«Откуда в ней столько дисциплины?» — подумала Элиза, наблюдая за Калдой, пока Наум рядом едва не дрожал. — *Может, с детства её так воспитывали?»*

— Если сейчас не заткнётесь и не пойдёте к реке, получите не сухпай, а этот нож! — голос был ровным.

В подтверждение своей угрозы Калда ловко вынула лезвие из кармана, прокрутив оружие меж бледных пальцев. Остриё было направлено прямо на сидящих перед ней ребят.

Элиза знала: Наум уже внутри себя закипает от чувства справедливости.

— Так точно! — хором вскрикнули они и подскочили.

Мальчик схватил ботинок и, махая руками, попрыгал на одной ноге к воде, пытаясь удержать равновесие. Элиза чуть задержалась, но через мгновение пошла за ним. Калда лишь спокойно наблюдала, не реагируя на их неловкий уход.

«Как же не хочется!» — Элиза скривилась, лицо исказила страдальческая гримаса.

Стеклянная гладь реки сверкала в свете восходящей луны, линия горизонта терялась в непроглядной темноте. Девочка неохотно зашла по колени в остывшую воду, оставив обувь на берегу. Босые ступни погрузились в вязкое дно, песчинки закружились в мутной воде. Кожа мгновенно покрылась мурашками, по костям пробежал холодок, словно просочившийся сквозь мышцы. Элиза лениво обмыла открытые участки продрогшего тела.

— О, я тебя догнал. Кстати, ты куда его дела? — Наум присоединился к купанию.

— В палатке надо будет спрятать, — пробормотала она себе под нос.

Напарники медленно собрали вещи с берега и, нога в ногу, двинулись к лагерю. По пути заметили приближение других товарищей, которых Калда, судя по кислым миам, тоже выгнала.

Ребята пересеклись: одни спускались, другие карабкались по склону, где песок сменялся протоптанной растительностью. Наум, не поднимая глаз, успел хлопнуть по нескольким подставленным ладоням друзей.

Элиза невольно искала взглядом Хейдена — но товарища не оказалось. Зато её взгляд случайно встретился с ледяными глазами Ролина.

Низкорослый, но крепко сложенный, он мог дать фору любому сопернику. Чёрные короткие волосы, слегка сальные после беготни за свитком, были наспех приглажены, а холодный взгляд выдавал строгую наблюдательность.

Элиза быстро отвела глаза, когда Наум дёрнул её за локоть. До этого он шёл перед ней медленно, а теперь резко ускорился, будто чувствовал, что надо торопиться. Толпа товарищей всё ещё спускалась к подножию холма под строгим надзором Ролина, замыкающего строй.

«А? — удивилась Элиза. — С чего это? Что-то не так?»

Она подчинилась Науму, доверившись ему, — спорить среди группы сплетников ей было ни к чему.

Элиза вопросительно вскинула бровь, когда ребята отошли от кучки новобранцев. Наум, обычно уверенный, замялся, нахмурился. Его взор скользил по земле, тело напряжённо дёргалось, будто он пытался что-то вспомнить.

— Элиза, не пойми меня неправильно, — начал он осторожно, будто подбирая каждое слово. — Но лучше не пестрить в глазах Ролина. Это вряд ли закончится хорошо.

— А откуда тебе знать? — нахмурилась девочка, скрестив руки на груди. — Ты мне ничего не рассказывал.

— И не даром. Не самая интересная тема для обсуждения, — Наум тяжело вздохнул, сомкнул веки и плотно сжал губы, стараясь отогнать назойливые мысли.

— Я же не могу избегать Ролина, пока не понимаю, что к чему. Да и он кажется мне интересным человеком, — Элиза пожала плечами, говорила спокойно, но с лёгкой искренностью.

Наум замер. Сердце у него ёкнуло — слова прозвучали словно удар, больно коснувшись давних счётов с Ролином. Элиза мгновенно ощутила тяжесть вины.

«Стоп я что, пытаюсь оправдать Ролина?» — пронеслось в голове. — *«Что я вообще делаю?»*

— Извини, я не права, — тихо выронила Элиза. — Спасибо, что предупредил.

И тут, как по заказу, Хейден влетел прямо к ним. Он едва успел затормозить, пыль взмыла под его подошвами, чёрные ботинки скрипнули о землю. Наум мгновенно схватил Элизу за руку и дёрнул в сторону.

— Что за?! — взвизгнула девочка.

— Ты чего так пугаешь?! — фыркнул Наум, не выпуская её руки.

Влажные пряди каштановых волос Хейдена прилипли к лицу, капли пота стекали по коже.

Алый румянец Элизы стал ярче, когда её взгляд невольно встретился с глазами Хейдена. Тот, в свою очередь, не отрывал взора от ладони Наума на её запястье.

— Извините! — смущённо пробормотал Хейден, лицо пылало краской неловкости.

Он торопливо глотнул воздух и рванул догонять остальных. Длинные, тощие ноги новобранца гнулись, как ветви ивы, оставляя ощущение неуклюжей грации.

Элиза и Наум переглянулись. Взгляд мальчика наконец прояснился, пунцовые тучи в его душе рассеялись. У новобранки с души словно камень упал.

«Кто бы знал, что он грустит так же, как и улыбается,» — прикусив внутреннюю сторону губ, девочка вздрогнула от собственных мыслей.

Наум плавно переместил хватку с её запястья на ладонь, легонько разжав пальцы. Она без сопротивления пустила его, и они сцепили руки снова, как будто извиняясь телесно друг перед другом.

Беззаботно болтая сцепленными ладонями и иногда соревнуясь в силе, ребята медленно подошли к лагерю. Но едва достигнув его пределов, тут же отошли друг от друга, будто ничего не случилось.

Атмосфера мёртвого безмолвия слилась с угрожающей позой Калды: прищуренные серые глаза, скрещенные на груди руки, тень строгого надзора. Она следила за поочерёдно выходящими из зоны испытания инструкторами.

Хотя Калда была к ребятам спиной, она уловила присутствие Элизы и Наума — кончики её ушей слегка шевельнулись. Напарники застыли. Любопытство Элизы пересилило осторожность, и она села на трухлявое бревно, внимательно наблюдая за Калдой.

Краешки губ девушки вдруг слегка приподнялись, а в глазах мелькнул добродушный блеск, когда на горизонте показалась последняя из старших. Калда отпустила толпу и направилась навстречу коллеге.

«Плохо слышно. Вот как специально!» — подумала Элиза, напрягая слух, чтобы не пропустить ни слова.

— Всё прошло без изъёнов, цель найдена в секторе двадцать один, — разъяснила девушка, подходя ближе.

Илса выглядела мило и спокойно: мышино-голубые волосы, бандана, воздушная чёлка, выглядывающая из-за неё; крупные янтарные глаза с длинными ресницами; худощавая фигура, аккуратно закрытая стандартной формой.

— Хорошая работа, Илса, — Калда похвалила её, голос строгий, но без лишней жестокости.

«Что за двойные стандарты?» — мысленно изумилась Элиза, сгорая от любопытства.

Наум, поражённый, выпучил глаза и опустился на бревно рядом с Элизой. Илса, кажется, тоже не ожидала такого поворота: растерянно моргнула, а потом ответила милой, искренней улыбкой. Калда невольно отвела взгляд, пряча неловкость под маской задумчивости.

— Ждём остальных, а потом ужинаем, — строго скомандовала главная старшая, обращаясь к эпицентру скопления товарищей, вместе с тем отбросив все «слабости». Но от Илсы — ни на шаг.

«Она очень хорошо научена своему образу,» — отметила Элиза, наблюдая за девушками.

— Так точно! — резво откликнулись старшие, ответственные за пропитание, метнувшись к массивным рюкзакам с трапезой.

За еду во время этой вылазки отвечали севры — ребята с Северных Земель, простирающихся вдоль ледяного океана Мариам. Их невозможно было не заметить: почти белоснежная кожа, светлые волосы, ярко-серые или голубые глаза. Но за этой внешностью скрывалась тяжёлая судьба — прошедшая война и жизнь, полная лишений. Теперь лучшие из севров учились

в Академии бок о бок с потенциальными врагами, пытаясь заработать статус и поднять семьи. Из уст в уста ходили слухи, что некоторые из них настроены революционно.

— Блейк! — прошипел женский голос. — Руки у тебя из того места растут?!

— Иветт! — парировал он. — Да что я могу сделать?!

Коллективный, кое-как сдерживаемый смех прокатился по лагерю. Тушёнка, которую полноватый старший пытался положить в котелок, упрямо осталась в банке.

— Оно не лезет! — отчаянно вскрикнул Блейк, и смех севров разразился во всю силу, подключились даже старшие других национальностей.

— А утром будет твоя любимая ка-аша! — с издёвкой протянула Иветт, обычно унылая, с двумя белыми косами.

— Я столько овса съел, что стыдно смотреть в глаза лошади, — добавил Даинн, ещё один севр, бледный, с горбинкой на носу и огромными квадратными очками, без которых он, по словам товарищей, очень напоминал крота.

Калда, переключив внимание на шум, нахмурилась. Звуки отвлекли её от самой важной задачи — наблюдения за Илсой.

— Это она соотечественников покрывает? — тихо пробормотал Наум Элизе на ухо.

— Может, — игриво ответила девочка, указывая взглядом на старшую, с которой постепенно таявшая инструкторша вела беседу вдали от шумного сбора.

Новобранцы уселись на брёвна, полотенца были небрежно брошены. Элиза заметила, как мышцы Наума напряглись — он, словно пороховая бочка, встретился взглядом с холодными, безразличными глазами Ролина. Его чувства напоминали булыжник, скрывающий внутри ранимое сердце, на которое он давил, не давая ему вырваться.

После того как порции гречки с тушёнкой, кое-как добытые из жестяных банок, были съедены, у костра завелись песни. Пели кто как умел или вовсе не умел. Единственная потрёпанная гитара переходила из рук в руки, и каждый добавлял свои куплеты, авторские или заимствованные.

Наконец инструмент оказался у Илсы, под пристальным надзором Калды. Девушка неуверенно касалась струн, как будто успокаивая их, и мелодия лилась трагическая, сдержанная, а голос её, идеально подобранный по интонации, придавал песне тонкое, почти осязаемое чувство грусти.

Тишина, пустота, снова ночь на пороге,

Я иду одна по знакомой дороге.

Ты не рядом — но воздух тобою пропитан,
Каждый вдох, как удар, каждый шаг мой разбитый.
Я пыталась уйти, зашивать эти трещины,
Но внутри всё сильнее разрастаются бреши.
Становлюсь я грубей, становлюсь осторожней,
Только вырвать тебя из себя невозможно.
Милая, ты — мой пожар и мой плен,
Мой голос сорван,
Я не беру телефон целый день —
Снова притворно здорова.
Ты в отраженьях, в воде, в потолке,
В каждом случайном прохожем.
Ты не уходишь, сидишь вдалеке,
И я отпустить тебя тоже
Не могу.
Ты за каждым окном, в каждом шорохе ветра,

В жёлтом свете подъезда, в обрывках куплета.

И дело не в судьбах, не в знаках, не в картах —

Просто боль научилась ходить рядом мартом.

Я бросаюсь в огонь, чтобы стало теплее,

Только пепел внутри с каждым разом чернее.

Говорят, всё пройдёт, надо только смириться,

Надо выключить свет, надо заново жить.

Только стоит закрыть мне усталые лица —

Ты опять начинаешь во мне говорить.

Становлюсь я сильней, становлюсь непокорней,

Но опять от себя вырываюсь я с корнем.

Как только Илса закончила песню и раздались аплодисменты, она обменялась тревожным взглядом с Калдой. Настороженные серые глаза старшей будто знали, кому была посвящена мелодия. Элиза, заинтересованно следя за беззвучным диалогом, строила свои теории.

«Неужели про Калду? Намёк? Или это крик о помощи?» — быстро пробежала мысль, но девочка отмахнулась от неё.

Краем глаза Элиза заметила Наума. Он казался непривычно потускневшим, погружённым в собственные чувства. Возможно, строки песни отражали его болезненные связи с Ролином.

«Если мыслить просто, — усмехнулась девочка про себя. — Все они какие-то одинаковые. Эти двое, те двое чем-то похожи, не правда ли?»

Наум в этот вечер раскрылся по-настоящему. Никакой маски беззаботного мальчугана, который обижается на каждое слово. Элиза давно пыталась разгадать его личность, и вот — плоды её наблюдений взошли.

За внешней сдержанностью и скрытой тоской виднелась настоящая сила: воля следовать своим моральным принципам, смелость жить по-своему, заботиться о близких. Его рвение отстаивать справедливость словно просвечивало сквозь тело и взгляд. И главное — умение дружить, которым Элиза пока могла только восхищаться. Возможно, она просто ещё не раскрылась, замкнувшись в клетке собственных лепестков.

Так и не решившись поддержать Наума даже лёгким прикосновением, девочка молча считала секунды до конца кострового собрания, тонув в собственных мыслях и пропуская музыку мимо ушей.

Наконец Калда дала команду, и новобранцы рассредоточились по палаткам, словно муравьи, отгоняемые строгим предостережением:

— Если я или караульные увидим, что кто-то не спит — пеняйте на себя. Все вместе.

Ни один звук не прорвался в ответ. Недовольство вывалилось лишь в брезентовых укрытиях. Наум, заползая внутрь и застёгивая молнию палатки, тяжело вздохнул — ему досталась обязанность следить за порядком ночью. Элиза одним движением руки зажгла лампу в углу тёмно-красной палатки, мягкий свет разогнал тьму и тревогу, дав ей короткий момент покоя.

— Так, а что делать с этим? — Элиза достала из топа свиток.

— Э-э ну ты же у нас умная, да?.. — Наум почесал затылок, пытаясь спихнуть ответственность на смекалистую напарницу.

«Думай, думай!» — пробормотала Элиза себе под нос, устало ударив ладонью по лбу. Мозг, ещё сонный и ленивый, наконец откликнулся, присылая гениальную идею.

Она расстегнула рюкзак, вытащила несколько катушек с синими и фиолетовыми нитками, помятый лист бумаги и ручку. Торопливо набросав несколько предложений, Элиза протянула их Науму. Мальчик кивнул, передавая инициативу напарнице.

— В общем, свиток я оставлю под топом и зашью палатку, нитки привяжем к ноге. Если кто-то распорет палаточную ткань, будет ясно, что свиток украли, — объяснила девочка ложный замысел.

— Понятно, хорошо придумала, — протянул Наум, не полностью соглашаясь. — Ладно, пойду дежурить.

— Будешь охранять мои сны, — беззаботно подшучивала Элиза.

— Ага, всегда мечтал, — хмыкнул он, удаляясь к своим обязанностям.

Оставшись одна, Элиза медленно сбросила ветровку с плеч. Холодный воздух сразу коснулся оголённой кожи. Она осталась в футболке с символом новобранцев Академии: внутри овала — фиолетово-красные чередующиеся полосы, а перед ними светло-коричневая птица.

В Академии было несколько направлений, у каждого — свой талисман: морской флот — альбатрос, разведка — ястреб, воинская часть — орёл, исследовательский факультет — сова. Последний особенно привлекал Элизу: там работали мозгами, а не телом, что идеально совпадало с её устремлениями. Наума же больше тянуло к пути честного солдата, сражающегося за справедливость.

Правда, у Элизы были конкуренты — песчанники. Светлые соломенные волосы, янтарные глаза, чуть смуглая кожа. Они загадочные и умные, но при этом ленивые и неприспособленные к бытовым делам. Говорили, будто их глаза плачут драгоценными камнями. Элиза с интересом наблюдала за выходцами Песчаного Купола, предвкушая, что именно среди таких людей ей предстоит развивать интеллект и хитрость, оставляя тело лишь для необходимого.

Девочка нехотя отмотала отрезок нитки, пытаясь попасть распушившимся краешком в игольное ушко, однако и этому умудрились вновь помешать: внезапно по ту сторону палатки раздался хриплый мужской голос.

— Можно?

Элиза моментально спохватилась. В спешке она спрятала под ветровку только что начатое изобретение и свиток, и едва успела сказать скромное «да», разрешая товарищу войти в её тесное укрытие. Бегунок тихо пробежал по молнии, и в палатку прокрался Аифал. Его внезапное появление оставило на лице девочки смесь удивления и осторожного любопытства.

— С тобой же Наум живёт? — монотонно спросил юноша, приглаживая низкий хвост из чёрных, будто смола, растрёпанных волос.

— Да, — выдавила Элиза, стараясь не показывать напряжение.

— Он тут фонарик оставил. Я заберу?

В спокойных чертах лица Аифала читалось безразличие, но вместе с тем — скрытая требовательность: каждое его слово звучало как приказ, а вопрос о разрешении превращался в обязательство. Острый нос, чуть приподнятая горбинка, расслабленные бровные дуги и поджатые бледные губы делали его одновременно строгим и холодным. Худощавое тело, рост едва выше рыжей макушки Наума — всё казалось неприметным.

Элиза невольно сравнила его с хрупким хрустальным антиквариатом. Грубая кожа, усыпанная мелкими шрамами и родинками, смуглая, но странно бледная, тёмные круги под глазами, однотонные глубокие коричневые радужки — всё это делало его одновременно живым и хрупким. Хриплый голос и лёгкий запах сигарет, который пронёсся за ним в палатку, добавляли странного, болезненного очарования.

— Да, — кивнула Элиза, невольно повторяя его манеру.

Не тратя время на слова, Аифал протянулся к фонарику. Девочка невольно рассматривала его ладони: жилки и костяшки рук, тёмная вышивка совы на форме, строгий силуэт плеч — всё это приковывало взгляд. Внутри Элизы что-то дрогнуло: напряжение, любопытство и едва ощутимая тревога смешались воедино.

Сердце Элизы то и дело сбивалось с ритма, будто нарочно пропуская удары. Дыхание каменело, замирало в груди, а внизу живота стягивался тугой, ноющий узел. Присутствие Аифала рождало чувство надвигающейся опасности — и вместе с тем тянущее, постыдное влечение. Эти два ощущения сталкивались, мутя разум: страшно и до безобразия интересно.

Спасаться, доверившись инстинкту? Или поддаться любопытству — и шагнуть в бездну?

Забрав фонарик, Аифал без лишних слов пополз к выходу из палатки. Даже не обернулся. Это кольнуло Элизу неожиданной обидой — мелкой, но упрямой. Ни «спасибо», ни прощального взгляда. Ничего.

«Вот блин! — с раздражением подумала она. — Почему меня всегда тянет к каким-то травмированным придуркам? Ещё и надёшал тут своим никотином!»

— Спокойной ночи, — холодно бросил он напоследок и исчез.

«Ладно, не всё так плохо, — Элиза втянула носом прохладный воздух, пропитанный сигаретным дымом. Запах неприятно щекотал ноздри, вызывая отвращение. — Точно. Он же курит. Фу. Всё, я передумала. Даже думать о нём не хочу. Гадость».

Она опустилась на колени, достала из-под ветровки нитки и иглу. Неумело, но старательно зашила вход в палатку. Оставшись наедине с тишиной и въевшимся запахом, Элиза методично выполнила всё задуманное: привязала катушку к ноге, спрятала свиток, погасила свет и только тогда позволила себе выдохнуть.

Но ощущение чужого взгляда не отпускало. Словно кто-то всё это время слишком близко стоял и ждал.

В каком-то смысле Элиза даже была благодарна Аифалу за его внезапный визит: с ним страх отступил, пусть ненадолго. Его присутствие дало иллюзию безопасности. Теперь же она осталась одна — на целую ночь, с пергаментом, спрятанным под одеждой, за которым охотились все новобранцы.

«И как теперь спать?.. — Элиза поёжилась, забираясь в спальный мешок. — Вот бы здесь был Наум. Или Илса. Калда. Хейден. Даже Аифал. С ними проще. Какими бы они ни были».

Тихий, вымученный вздох. Уставшие глаза. Бесконечная смена поз в поисках хоть какого-то комфорта. Ломота в коленях, сдавленное давление в груди, которое нарастало с каждой секундой, будто кто-то медленно затягивал петлю изнутри.

В ушах звенела пустота — навязчиво, как тиканье часов в пустой комнате. И кто-то смотрел. Чей-то взгляд лип к ней, не отпуская даже в полной темноте.

«А если правда подслушивали? Если придут?.. Наум где-то рядом, он должен заметить,— мысли путались. — Но это же кто-то из своих. Тогда почему мы вообще соревнуемся?»

Грудь поднималась и опускалась неровно. Тело застыло, вставляя в ткань спального мешка. Желание провалиться в сон чуть приглушило страх, но тот не уходил — лишь затаился, терпеливо выжидая.

Снаружи лагерь постепенно замирал: севры сняли котелок, убрали припасы в громоздкие рюкзаки, старую гитару спрятали в потёртый чехол. Караульные разошлись по периметру. Над лагерем, укутанная дымчатыми облаками, печально светила луна, а звёзды одна за другой проступали на тёмном полотне неба, обещая ясное утро. Мирный покой подкрадывался. Но был ли он один?

«Кто?!» — Элиза дёрнулась от ужаса, ощутив на себе чужую уверенную хватку.

Сознание рвануло в реальность. Тело прошила крупная дрожь, руки и ноги затряслись сами по себе. К горлу подкатил колючий ком, дыхание сбилось, а сердце так сильно ударило о рёбра, что на миг показалось — оно сейчас остановится.

Глава 2

Два сна, о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.